

Приезд Дунфан Вэйцзюня стал для меня неожиданным, но весьма любопытным развлечением. Как и диктовал этикет, я вывел всех обитателей сада к воротам для торжественной встречи. Оказавшись в главном зале, пришлось совершить обряд «трех преклонений и девяти челобитий» — признаться, я впервые отвешивал ему столь земной поклон, и уголок моего рта невольно дёрнулся. Он же, напротив, держался с безупречным спокойствием, будто мы и вовсе не были знакомы. Вот она, пропасть между императором и простым смертным.

Когда мы сели за стол, эти двое — мать и сын, пусть и не кровные, — неожиданно завели душевную беседу о пустяках. Вдовствующая императрица, кажется, вознамерилась во что бы то ни стало «продать» меня Дунфан Вэйцзюню. Она то и дело переводила разговор на меня — смиренного слушателя, — расписывая, какого выдающегося ученика воспитал Юйвэнь Му, как я образован, начитан и добродетелен. А после пустилась в воспоминания о самом Юйвэнь Му, мол, давно его не видела, и всё в таком духе. Случайно подняв глаза, я столкнулся с изучающим взглядом императора. Он смотрел на меня с едва заметной усмешкой, и в его взгляде читалось такое лукавство, что у меня мурашки пошли по коже. Точно знаю: позже он надо мной вволю поиздевается.

После банкета гостей пригласили в средний двор — пить чай и любоваться луной. В ночной тишине сад преобразился: повсюду зажглись матовые фонари из цветного стекла, в воздухе разлился тонкий аромат цветов, а их силуэты в сумерках казались зыбкими и изящными. Императрица явно была очарована этой картиной. В этот момент Дунфан Вэйцзюнь внезапно обратился ко мне:

— Мастерство государственного наставника Юйвэня в игре на цине не знает равных в Поднебесной. Будь он здесь, непременно почтил бы красоту этой ночи музыкой. Цинмин, вы — любимый ученик наставника, верно, унаследовали его истинное искусство?

Он сделал это нарочно. Глядя на его лицо, столь похожее на черты Дунфан Чэньцзюня, я вдруг осознал: этот человек умеет улыбаться дьявольски хитро. У него не было тех лисьих, раскосых глаз, как у брата, но сейчас он коварно усмехнулся.

Сдерживая внутреннюю дрожь, я низко склонил голову:

— Учитель действительно наставлял меня в игре на цине, однако ваш покорный слуга от природы туговат на ухо и глух к гармонии. Я лишь разочаровал наставника, пренебрегши его усилиями.

— Цинмин слишком скромн, — парировал Дунфан Вэйцзюнь. — Сам наставник сказывал мне, что Цинмин не только искущён в теории, но и сам сочиняет мелодии. Та самая пьеса «Высокие горы и текущие воды», коей так восхищался Юйвэнь Му, уже внесена в реестры Музыкальной палаты.

Проклятый Юйвэнь Му! Я же тысячу раз говорил ему, что это не я сочинил! Как мне теперь в

глаза древним классикам смотреть? Когда-то мама заставляла меня учить игру на гучжэне, и я зазубрил всего несколько пьес — Юйвэнь Му вытянул их из меня хитростью в первые же дни нашего знакомства. Позже он пытался учить меня всерьёз, но у меня душа к этому не лежала. Если я сейчас сяду за инструмент перед императором и вдовствующей императрицей, это будет «представлением позора» в самом прямом смысле слова.

Однако, видя азартный взгляд Дунфан Вэйцзюня и полное ожидания лицо императрицы, я понял: просто так мне не отвертеться. Откажусь — сочтут за дерзость, соглашусь — мой «средний» по меркам Юйвэня уровень только расстроит этих капризных особ.

В голове вихрем пронеслись мысли, и вдруг меня осенило. Я взглянул на императора:

— Ваше Величество, вы проницательны. Мелодия «Высокие горы и текущие воды» и впрямь не плод моих трудов. Однажды в горах я случайно услышал, как кто-то играет вдаль, и просто запомнил ноты. Моя же игра... право, она лишь оскорбит ваш слух. Но хотя я не силён в музыке, мне ведом один танец заморского народа. Если Ваше Величество и императрица не погнушаются, я готов исполнить его для вас.

— О? Что ж, это было бы чудесно.

«Ах ты, "чудесно" тебе...» — я мысленно метнул в Дунфан Вэйцзюня молнию. Почтительно попросив высоких гостей подождать, я отправился готовиться.

К счастью, в прошлой жизни у меня была подружка, помешанная на аниме. Как-то раз ей приспичило пойти на курсы традиционных японских танцев, и она силой затащила меня с собой. Учительница тогда говорила, что у меня неплохо получается — вот и пригодилось. Всё равно они в жизни не видели настоящего японского танца, сравнивать им не с чем, так что сойдёт за экзотику.

Кимоно у меня не нашлось, поэтому я переделался в ярко-красное шёлковое платье с широкими рукавами, взял веер с изображением сливы и вернулся во двор. Увидев меня, Дунфан Вэйцзюнь на мгновение опешил, а затем на его губах заиграла странная, неопределённая улыбка. Поклонившись, я подал знак музыкантам. Под звуки флейты я начал танец.

Музыканты играли «Три вариации на тему сливы», и мои движения вторили этой теме. Сочетание китайской мелодии с японской пластикой поначалу казалось мне диким, поэтому я добавил несколько па из классического китайского танца. Красная фигура, кружащаяся в залитом лунным светом саду среди ночных ароматов... Сам я себя со стороны видеть не мог, но судя по восхищению императрицы и изумлению Дунфан Вэйцзюня, выходило недурно. Уж точно лучше, чем если бы я мучил цинь.

Редкое зрелище — видеть императора столь обескураженным. Я вошёл во вкус и, кружась в танце, негромко запел в такт флейте:

«В мире брэнном страсть — отрава,

Не кляннне тех, кто болен ей...

Лишь пройдя сквозь стужу и морозы,

Слива дарит аромат нежней.

Что есть любовь? — спрощу я поднебесье, —

За что клянутся жизнью и судьбой?

В земных преданиях, старых, словно песни,

Лишь в "Трёх сплетениях" найдём мы упокой.

Один аккорд — и сердце рвётся в клочья,

Второй — и думы горькие не спят.

На третьем — буря взвилась среди ночи,

И в дымке скрылся вод далёких глад...»

Когда музыка стихла, я замер в финальной позе. Широкие рукава взметнулись на ветру, словно алое облако, на миг закрыв мне обзор. Когда ткань опустилась, я увидел лицо Дунфан Вэйцзюня. Он изумлённо смотрел на меня, и в его взгляде промелькнуло нечто похожее на... обожание? Я подавил желание рассмеяться ему в лицо и, скромно опустив веки, отвесил поклон. Императрица рассыпалась в похвалах, а вот государь хранил странное, почти пугающее молчание.

Мы перекинулись ещё парой слов, императрица почувствовала усталость, и наш маленький пир в ночном саду подошёл к концу. Гостью проводили в главные покои — мою бывшую спальню. Дунфан Вэйцзюня же устроили в отдельном флигеле в глубине сада. Едва мы остались одни, он ввёл меня в курс дел.

Как я и предполагал, сторонники Девятого князя заняли жёсткую позицию по делу Шу Ханя. Пока не пришло моё известие, Дунфан Вэйцзюнь тянул время, выслушивая их длинные речи. Но стоило моему тайному стражу доложить, что императрица уже в Саду Душистого Цветения, государь резко сменил тон, отклонил все требования и закрыл совет. Заговорщики, разумеется, бросились в Восточный дворец к императрице, но я опередил их — искать им было некого. Тем

временем передислокация гвардии в столице была завершена: весь Шэнцзин теперь находился под полным контролем императора. А на границе, на Заставе Рассвета, ключевые посты уже давно и незаметно заняли его люди. План Девятого князя на сей раз провалился.

— Однако это не смертельный удар. Пройдёт время, и они снова поднимут головы, — рассуждал император. — Сейчас главная проблема — Юйвэнь Му. Он ещё не вмешался открыто, но он не оставит Дунфан Чэньцзюня. Он вбил себе в голову, что тот — истинный избранник небес, и не отступится от этой мысли...

— Но справиться с Юйвэнь Му крайне сложно, — он покачал головой. — У него колоссальное влияние не только при дворе, но и во всей стране. Найти повод для его отставки почти невозможно. То, что я запер его в резиденции за попытку оспорить волю покойного императора и разжечь вражду, уже вызвало ропот недовольства. Только твоё тайное вмешательство тогда помогло успокоить народ.

— Одной изоляции мало. Нужно, чтобы он лишился власти. Пока в его руках полномочия, у Дунфан Чэньцзюня есть мощнейший тыл.

— Лучший выход — если бы ты немедленно занял пост государственного наставника...

— Исключено! — отрезал я. Мы возвращались к этой теме уже сотни раз.

— Почему нет? Ты уже обладаешь властью наставника, исполняешь его обязанности, носишь священную яшму. Почему ты отказываешься выйти из тени? Тебе не нужно жалование казны, я знаю, но разве титул второго человека в государстве тебя не прельщает? Впрочем, тебе ведь плевать на власть и славу, верно? Ты действуешь скрытно, даже как владелец усадьбы Оу редко показываешься на людях. О чём ты вообще думаешь?

— Верно. Мне не нужна власть, мне нужны каналы влияния. Мне не нужна слава, мне нужно, чтобы те, кто ею обладает, работали на меня. Мне не нужно стоять на вершине, мне нужно иметь возможность защитить себя и достичь своих целей. Я всего лишь торговец, ищущий выгоду. Таким людям не место в официальных залах дворца. К тому же, моё появление на свету — именно то, чего хочет Юйвэнь Му. Он отдал мне яшму, чтобы я стал его преемником и помог Дунфан Чэньцзюню в его «великих свершениях».

— погоди, — он странно посмотрел на меня. — Юйвэнь Му хочет, чтобы ты помогал Чэньцзюню? Почему именно ты? Почему он сам не справится?

— Он и сам помогает, но на меня у него особые виды. Видишь ли, Юйвэнь Му — такой же человек, как его учитель и мой наставник. Он раб традиций и верит в предопределение.

— Это похоже на правду.

— Так вот, он убеждён, что именно я — тот человек, который должен возвести Дунфан Чэньцзюня на престол.

«Точнее, он верит, что Фениксова звезда обязана выбрать того, кто отмечен Монаршей звездой Востока», — подумал я про себя.

— Вот как? — он погрузился в раздумья. — Теперь многое проясняется. Но он не учёл одного: твоего характера. Ты ведь всегда и во всём идёшь ему наперекор. И именно поэтому ты решил помогать мне, а не ему?

— Именно так.

— Тогда скажи мне честно... то завещание покойного императора...

— Не без моего участия, — признал я. В своё время я приложил руку к тому, чтобы старый правитель не менял наследника.

— Что ж, тогда я действительно должен тебя поблагодарить.

— Не стоит. Я же сказал: я купец. Если в деле нет выгоды, мне, маленькому человеку, нет дела до того, кто сидит на троне.

Он вздохнул и посмотрел на меня с некой беспомощностью:

— С таким прекрасным лицом — и такой несносный характер. Типичная «красавица со змеиным сердцем»?

— Благодарю за комплимент... Будь я женщиной, я бы непременно так и ответил.

— Эх... точно, совсем несносный.

— Ладно, будет тебе, — я нахмурился. — Ты ведь специально это устроил? Хотел потешиться над моим замешательством?

— Вовсе нет. Но, признаться, я не ожидал такого. Этот танец... «Три вариации на тему сливы»? Ты сказал, это танец иноземцев. Каких именно?

— Из островного государства далеко в Восточном море.

— Ты там бывал?

— Нет, видел однажды, как кто-то танцевал, вот и запомнил.

— Это было прекрасно...

— В их национальных одеждах это смотрелось бы ещё лучше.

— Я говорил про тебя.

Наступила тишина.

—... Ты хочешь, чтобы я совершил царевубийство?

Он с горькой усмешкой подошёл ближе и прошептал мне на ухо:

— Ты сам виноват... Зачем ты так смотрел на меня? Искушал?

Кто тебя искушал?! Сам загорелся похотью, а вину на другого сваливаешь — ну что за наглец! Понимая, что спорить с ним бесполезно, я лишь закатил глаза:

— Ты же вроде не по этой части? Раньше тебе мужчины не нравились.

— Раньше не нравились, но теперь я не прочь попробовать...

— Правитель страны — и подаёт такой дурной пример... Потворствует порочным склонностям?

— О, а вот это уже звучит как речь государственного наставника.

— То есть ты твёрдо решил «попробовать»?

— Именно.

— Может, мне отвести тебя в Дворик Просочившейся Влаги Бамбука? У меня там все ребята как на подбор — истинные красавцы.

—... Знаешь, сейчас ты говоришь точь-в-точь как опытная сводня.

— Так я и есть хозяин заведения.

—...

— И что это за взгляд?

— Подумать только: великий наставник Восточной Мин втайне владеет борделями и притонами...

—...

— Но раз так, у тебя, должно быть, богатый опыт?

— Не сомневайся. Будешь доволен.

— Что ж, тогда я не стану церемониться?

— Позволь лишь спросить напоследок: знаешь ли ты, в чём истинная суть услад с мужчиной?

— Просветишь?

— Суть в том, чтобы самому быть тем, кого... хм... берут. Иначе какая разница — мужчина перед тобой или женщина?

—... Тебе принести три чжана белого шёлка или флакон с ядом?

—... Благодарю за заботу о целостности моего трупа.

На этом наш диалог зашёл в тупик, и мы оба не выдержали — расхохотались. Неловкость мигом сменилась комичностью ситуации. Мы обсудили ещё пару дел, и когда я начал зевать так, что веки стали слипаться, император наконец отпустил меня спать. Покинув флигель, я потянулся, но вдруг за спиной послышался глухой стук.

— Кто здесь?!

Я обернулся. На земле лежали два тела. На них были тёмно-красные ночные одежды — форма моих Кровавых стражей.

Прежде чем я успел вскрикнуть, чья-то рука зажала мне рот, и меня рывком затащили на дерево. Холодный пот прошиб меня до костей. Я попытался вырваться, но незнакомец быстрым ударом перекрыл мои меридианы, лишая возможности двигаться. А затем мы взлетели.

Я открыл рот, но не смог издать ни звука — видимо, он заблокировал и немую точку. Впереди уже маячила стена сада. Я разжал пальцы, выронив веер, но похититель в немыслимом прыжке перехватил его в воздухе и перемахнул через ограду.

Проклятье! Неужели никто не заметил?

— А ты неплохо охраняем, — раздался у самого уха насмешливый голос. В темноте он звучал издевательски. — Пришлось повозиться, пока со всеми разобрался.

Меня затрясло. Что?! Он в одиночку расправился со всей охраной сада? Здесь же тройной караул, не считая теней императора! Да, здесь нет охранных заклятий «Пристанища Феникса», но всё же... Проникнуть незамеченным и выкрасть меня из собственного дома — этот человек невероятно силён.

Впрочем, из его слов следовало, что его целью был именно я, а не Дунфан Вэйцзюнь. И на том спасибо. Если бы император пропал в моём поместье, казнь всего рода дело бы не ограничилось (хотя мой род — это я один), страна бы погрузилась в хаос, а в неё вложено столько моих сил!

Но быть украденным из собственной постели... это позор. Завтра императрица ждёт прогулки по саду... Нет, сейчас не об этом думать надо!

Пока я метался в своих мыслях, мы пролетели несколько ли. Незнакомец наконец опустился на землю и затолкнул меня в поджидавшую карету. Экипаж тут же сорвался с места.

— Хорошо, что твой дом за городской чертой, не пришлось возиться с воротами.

Он зажёл масляную лампу. Внутри карета оказалась на диво роскошной — видать, похититель не из бедных. Он упомянул «твой дом за городом», значит, не знает, кто я на самом деле. Зачем же я ему? Выкуп? Вряд ли, судя по карете, денег у него куры не клюют. Похоть? Ох... только не это...

Он сел напротив и сорвал маску. Теория о «похоти» мгновенно дала трещину. Я видел многих, но этот парень был чертовски хорош собой — настоящий античный бог: статный, мужественный, с волевым лицом. Если уж и говорить о соблазнении, то скорее я должен был его украсть. Да и на вид он не походил на гнусного насильника. Скорее — на какого-нибудь главу союза боевых искусств.

Но факт остаётся фактом: я похищен. И этот человек, не зная моего имени, чего-то от меня хочет.

Пока я с любопытством изучал его, он делал то же самое. Но пошёл дальше — начал бесцеремонно трогать моё лицо, а в его взгляде, который мог бы светиться благородством в каком-нибудь героическом романе, промелькнуло лукавство и самодовольство.

— Надо же... «Красота, способная губить города», не иначе. Хотел было поглядеть, как выглядит император Восточной Мин, а наткнулся на такое сокровище. Видать, Дунфан

Вэйцзюню везёт на любовников, а? Хм...

Понятно. Я мысленно закатил глаза. Каковы бы ни были его истинные цели, сейчас ясно следующее: первое — вредить императору он не собирается, лишь хотел на него поглазеть, так что во дворце всё спокойно. Второе — он принял меня за фаворита Дунфан Вэйцзюня и украл ради забавы. Позор, конечно, но так проще строить из себя жертву. Третье — парень оказался болтлив. Говорит всё, что на уме. Это мне на руку: нужно разговорить его, чтобы собрать сведения. Четвёртое — он не из местных, раз говорит «император Восточной Мин». Скорее всего, он высокопоставленный гость из другой страны. И теперь, выполнив (или бросив) своё задание, он тащит меня через границу как трофей. Пятое — моих людей он, видимо, раскидал, но я успел крикнуть, так что пропажу скоро заметят. Вот только когда я смогу сбежать? Мои дела... С Сун Нином проблем не будет, но брат с ума сойдёт от тревоги. А там ещё Сун Хуаймин в застенках... и Цзиньжунь... Эх, была не была.

— Эй! Вернись на землю! — он щелкнул пальцами перед моим носом. — Ждёшь, когда твой господин примчится на выручку? Забудь. Эти императоры... сегодня ты для них любимая игрушка, а завтра — пустое место. Неужто веришь в его верность? Помяни моё слово: пошлёт людей прочесать окрестные леса для вида, а через пару дней и имя твоё позабудет. У него в гареме девиц не сосчитать, одной больше, одной меньше — невелика потеря. Останешься с ним — закончишь жизнь в холодном дворце, и даже похоронить тебя будет некому. Жалость, да и только!

Он сокрушённо покачал головой, будто и впрямь сочувствовал моей горькой доле. Я снова закатил глаза: болтун, да ещё и фантазёр.

— Ах да, — спохватился он. — Ты же сейчас говорить не можешь. Ну, тогда слушай меня. Хоть ты и не владеешь боевыми искусствами, меридианы я пока не разблокирую. Вот пересечём границу — тогда и поговорим. А то сбежишь ещё, я ж расстроюсь! Будешь мне танцевать, как сегодня. Я ведь всё видел! И сам ты хорош, и танец дивный, и голос... как у феи цветов. Только вот сдался тебе этот мерзавец Дунфан Вэйцзюнь? Видать, крепко ты в него втюрился, раз такие песни поёшь. «За что клянутся жизнью и судьбой...» Эх, бедняга! Не стоит он твоей преданности. Этот неблагодарный волк тебя не заслуживает, так что забудь его поскорее!

Этот... этот человек... Он не просто болтун, он — мастер воображения! Оставим в покое моральный облик императора, но при чём тут я?! Я влюблён в Дунфан Вэйцзюня? Готов отдать за него жизнь? Господи, дай мне сил...

Впрочем, из его тирады стало ясно: «домой» он меня везёт в Северную Вэй. В Западном Цзинь и Небесной династии снег — редкость, а он мечтает увидеть мой танец в «серебряном убранстве сада». Такое бывает только в суровой Вэй. Значит, мой похититель — кто-то из верхушки северян.

— Ладно, путь впереди долгий. Спи давай! Нужно отъедаться, а то кожа да кости. Твой император тебя совсем голодом заморил — одни рёбра торчат, на рынке за такие и ломаного гроша не дадут!

Что?! Отъедаться? Рёбра?! Я — преемник государственного наставника, богатейший человек в мире, а он обращается со мной как с поросёнком на откорм?!

Дёргая глазом, я смотрел на этого наглеца, который преспокойно обнял меня и мгновенно провалился в сон. В душе я оплакивал свою горькую судьбу.

<http://bllate.org/book/17477/1695831>